

БЕССМЕРТИЕ ГЕНИЯ

...Открытие Московской консерватории — 1 сентября 1866 года — было отмечено торжественно. «Чайковский решил, что первой музыкой во вновь открытой Консерватории, — писал об этом событии Н. Кашкин, передовой критик того времени, — должна быть музыка Глинки, а потому сыграл сам наизусть увертюру из «Руслана и Людмилы»... Конечно, все осталось в высшей степени довольным, в особенности мыслями, им руководившему, хотя и самое исполнение было хорошо...»

И вот первые могучие аккорды солнечной увертюры огласили своды новой русской «Академии музыки»!

Весь Чайковский сказался в этом юношески-пылком и искреннем порыве музыканта-патриота. Жаль, право, что наши художники и поныне не запечатлели этот знаменательный исторический эпизод наподобие того, как Репин воспроизвел на своей известной картине мальчика-лицеиста Пушкина, читающего стихи перед Державиным!..

Чайковский был превосходный пианист. Любому, хоть раз слышавшему увертюру к глинкинскому «Руслану», должно быть ясно: чтобы сыграть ее на рояле одному, сыграть хорошо, нужно было обладать недюжинной пианистической техникой.

Чайковский был, однако, не только хорошим пианистом, но и дирижером. Он выступал с исполнением 9-й симфонии Бетховена, симфоний Бородина, Моцарта, оратории Рубинштейна, в театре дирижировал «Фаустом» и «Демоном», собственными операми. В 1888 году, отправляясь в концертную поездку, Петр Ильич совещался с Римским-Корсаковым, Глазуновым и Лядовым о репертуаре для русского симфонического концерта, который намеревался дать в Париже...

Недавно, в канун шестидесятилетия со дня смерти композитора, вышло в свет новое издание музыкальных фельетонов и заметок Чайковского: Петр Ильич ряд лет состоял музыкальным критиком, будучи верным стражем интересов русской музыки. Но Чайковского — педагога и теоретика, Чайковского — пианиста и дирижера, Чайковского — талантливого публициста затмил Чайковский — гениальный композитор. Творчество было для него главным.

Создание отечественной музыкальной культуры было делом всей его жизни, его личным долгом, его страстью.

Характерно, что на самое творчество Петр Ильич смотрел как на труд, музыкальный труд, и требовал, чтобы композитор работал над своей партитурой ежедневно, по многу часов, усидчиво и терпеливо, не дожидаясь вдохновения — редкой гостью, которая не терпит и избегает ленивых. В этом требовании сказались не только глубокая симпатия Чайковского к людям труда, но и желание окончательно сбить с музыканта спесь, «приземлить» этого «избранника небес», «творящего

по наитию», поставить его вровень с человеком труда. И не оттого ли, что Петр Ильич считал и чувствовал себя простым мастером музыкального дела, сам познал горечь и сладость труда, он с таким уважением всегда говорил и писал о простых людях, всегда ценил русских умельцев. С презрением отзывался он о дилетантствующих и праздных бархаринократах.

Во всем этом Чайковский раскрывается как русский художник-просветитель, музыкант нового типа, возвращенный в великую пору шестидесятников. Воздух этой эпохи поддерживал крылья его гения.

Трудно сыскать в мировой музыке другого лирического поэта такой яркости, глубины, искренности и всепоглощающего очарования, обладателя мелодического дара столь неиссякающей щедрости и дивной красоты. «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает; но и любовь — мелодия». К скольким творениям Чайковского эти пушкинские строки — «любовь — мелодия» — могли бы служить эпиграфом!

Но одновременно разве не знает музыка Чайковского бурного веселья народных празднеств, радостного ликования, торжества света, упоения борьбы и победы? Напоминать ли его первый и второй концерты для фортепиано, скрипичный концерт, его «1812 год», «Черевички», «Иоланту», другие сочинения?

Искусство Чайковского — и в этом один из «секретов» его поразительной притягательной силы — несло с собой огромное расширение идейного содержания музыки, все большее и большее сближение с жизнью, — оно вливалось в эту жизнь и, пронизанное горячим чувством современности, откликалось на все человеческие боли и радости.

Конфликт между новым и старым, борьба не на жизнь, а на смерть — такова, по существу, ведущая тема всего творчества Чайковского. Тема эта была подсказана композитору атмосферой переломного времени (о которой Л. Толстой писал: «все... переворотилось и только укладывается»), общественным подъемом 60-х годов. Этот центральный конфликт эпохи в симфоническом творчестве Чайковского получил свое «сюжетное» выражение в схватке человека с «роком». Человек сильнее «рока», он побеждает даже тогда, когда победа куплена ценою его жизни! Образ расцветающей личности, образ поднимающего голову человека, которому стало тесно, душно, невмоготу жить в условиях старого уклада, — этот образ проходит через целую вереницу оперных произведений Чайковского. Силен еще старый мир, беспощадно и жестоко он карает того, кто нарушает его законы, вступает в борьбу против его власти. Многих жертв требует борьба, и все же финал ее предрешен — новое побеждает. Причем замечательно, что носительницей, провозвестницей ново-

го у Чайковского выступает прежде всего женщина, именно женщина, которая больше всего испытывала на себе тяжесть и гнет старого. Волю к жизни, гордое сознание долга, радость и красоту свободного и искреннего чувства воспевают Чайковский в героинях своих опер — в Татьяне («Евгений Онегин») и Лизе («Пиковая дама»), в Настасье-куме («Чародейка»), в Марии Власьевне («Воевода»), в Наталье («Опричник»).

Самая тема любви у Чайковского является как бы производной от другой, основополагающей и главной — темы нового героя жизни, рвущего тенета старых предрассудков, утверждающего и новую мораль и свое право на счастье. В музыку Чайковского вошел простой русский человек со всем нетронутым богатством своих духовных сил, став ее главным действующим лицом. Никогда еще музыка, кажется, не заглядывала в такие сокровенные тайники человеческого духа, с редчайшей тонкостью и правдивостью живописуя мир человеческой души.

Эта любовь, с которой Чайковский поведал миру правду о русском человеке, о русском народе, красота бессмертных созданий композитора вызвали ответную волну благодарной любви народа к своему гениальному сыну. Любовь эта не иссякает, больше того, никогда еще она не была так велика и всеобъемлюща, никогда еще не была такой подлинно народной, как в наше время.

Некогда Чайковский писал о том, что опера может сделать творчество композитора при благоприятных условиях достоянием всего народа. Быть с народом, служить ему было заветной мечтой Чайковского.

Великая Октябрьская революция создала те благоприятные условия, при которых искусство Чайковского стало достоянием масс. Произошло слияние гениального русского музыканта с его народом — слияние, мечту о котором композитор всегда лелеял в своем сердце. И в этом слиянии — величие Чайковского и его бессмертия.

М. СОКОЛЬСКИЙ

260